

МНИМЫЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ РИСКИ ДЛЯ СОЦИОЛОГА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Олейник

*доктор социологии, кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник Института международных
экономических и политических исследований РАН*

Профессию социолога обычно не принято относить к числу опасных. Например, если судить по числу инцидентов со смертельным исходом на рабочем месте (в расчете на 100,000 работников), в 2004 году самыми опасными в США были профессии авиапилотов и рабочих на лесозаготовках (коэффициент смертности 92.4), рыбаков (86.4), металлургов, занятых в «горячем цехе» (47), мусоросборщиков (43.2), фермеров и ранчеров (37.5), кровельщиков (34.9), электриков (30), водителей большегрузных автомобилей (27.6) и таксистов (24.2) [9]. Сходная статистика для России менее доступна, но можно предположить, что и здесь «погибших при исполнении» социологов не так много. Тем не менее задачей этого краткого эссе будет показать, что социологи в действительности сталкиваются с существенными рисками при осуществлении своей профессиональной деятельности, причем величина этих рисков зависит в меньшей степени от предмета исследования или применяемого метода чем от того, насколько результаты исследования ставят под сомнение сложившееся – как в науке, так и в обществе в целом – статус кво.

Сам по себе объект социологического исследования, даже если речь идет о тюрьме, организованной преступности или терроризме, редко становится источником серьезной опасности для ученого. Например, известно, что относительное число зарегистрированных правонарушений в российской тюрьме (в расчете на 1,000 человек) в середине 1990-х годов было практически на порядок ниже, чем в обществе в целом: 3.67 против 29.92 [22, Р. 86]. Поэтому даже личное присутствие исследователя в тюремной среде не обязательно влечет за собой увеличение вероятности стать жертвой насилия (с чисто статистической точки зрения риск подвергнуться нападению выше как раз вне тюремных стен). Более того, при изучении «опасного» объекта «на расстоянии» исследователь и вовсе способен свести риск к минимуму. Сбор данных с помощью «посредни-

ков» – нанятых интервьюеров; ассистентов; лиц, играющих роль «культурных брокеров» – существенно облегчает задачу изучения даже самых жестоких вооруженных конфликтов, таких как война в Чечне [См., например, 23].

Если основные риски связаны не с объектом исследования, то, может быть, все зависит от выбора метода исследования? Одно дело – полагаться на вторичные источники (например, данные правоохранительных органов или материалы журналистских расследований) при изучении организованной преступности, а совсем другое – попытаться осуществить «включенное наблюдение» повседневной жизни одной из «бригад» или уличных банд на протяжении достаточно длительного времени. Один из канадских исследователей, на протяжении нескольких лет изучавших различные аспекты жизни, в том числе криминальные, байкерского клуба, был вынужден ради исследовательских целей пройти через ряд серьезных испытаний, включая участие в различного рода «разборках» [24]. Использование термина «методология, связанная с высоким риском», в данном случае выглядит уместным. Другим классическим примером применения методологии, связанной с высоким риском, стало исследование социальной среды гомосексуалистов, ведущих «двойную жизнь»: с одной стороны – примерных гетеросексуальных семьянинов, а с другой – завсегдаев удаленных отхожих мест в парках, находящихся в поиске случайных и ни к чему не обязывающих гомосексуальных контактов [11]. Автор подвергался насилию и со стороны полиции (за отказ указать истинные цели своего систематического присутствия в таких достаточно странных местах: такое указание могло бы привести к требованию раскрытия информации о наблюдаемых субъектах), и гомосексуалистов, и агрессивно настроенных борцов с ними. Однако с самыми большими проблемами автору – и его научным руководителям – пришлось столкнуться уже после публикации результатов своего исследования: они привели к поляризации как научного, так и общественного мнения, затруднили защиту докторской диссертации, а так же негативно сказались на судьбе кафедры, на базе которой было выполнено исследование. Одна из лучших в 1960-ые годы в США программ по социологии в Университете Вашингтона (Сен-Луис) была закрыта и по сегодняшний день социологические предметы остаются исключенными из программы данного университета [12, Р. 284].

Последний пример особенно интересен тем, что он позволяет различить риски, связанные с выбором методологии исследования потенциально опасного объекта и риски получения результатов, ставящих под сомнение доминирующие в науке и/или обществе в целом мнения. Что касается рисков первого типа, то опасный характер объекта исследования является необходимым, но недостаточным условием их роста: они зависят от избранной методологии исследования. Наиболее «безопасным» методом изучения потенциально «опасных» объектов представляется использование вторичных данных и других косвенных (*unobtrusive*) методов анализа. Далее идут углубленные интервью и опросы, – если применение этих методов возможно, то исследователю удается сохранить

безопасную дистанцию. Наконец, включенное наблюдение связано с наибольшей степенью риска для исследователя. Система этических кодексов исследовательской деятельности, особенно развитая в Северной Америке, позволяет, выражаясь экономическим языком, сократить риски и «разделить» их между исследователем и организацией, в которой он работает. Если исследование получает позитивную этическую оценку специального комитета, то, после прецедента, установленного в 1994 года делом Рассела Огдена (Russel Ogden), университет тоже несет ответственность за возможные риски, которые могут возникнуть в его процессе. Огден изучал среду ВИЧ-инфицированных лиц, а так же ряд внезаконных и криминальных практик, в которые они иногда вовлечены. Учитывая последний аспект, полиция потребовала от исследователя раскрыть источники своей информации, несмотря на гарантии конфиденциальности, данные им информантам. В конечном счете университет, на базе которого проводилось исследование, был вынужден признать факт своей непосредственной вовлеченности в конфликт между исследователем и полицией [6, Р. 208].

С рисками получения «нежелательных» результатов дело обстоит сложнее. Хотя насилие, которому может подвергнуться в этом случае исследователь, не обязательно носит физический характер, как это происходило в Советском Союзе в 1930-ы годы, насилие в символической и иных формах (увольнение, угроза увольнения,¹ создание затруднений в академической карьере, в публикации результатов, ограничение доступа к финансовым ресурсам, целенаправленное разрушение научной репутации и т.д.) оказывается не менее болезненным. По мнению П. Бурдьё, ненависть и насилие в символической форме, обращенные ко всем тем, кто придерживается иной, противоположной точки зрения являются отличительной чертой большинства научных дискуссий [8, р. 39]. В непарадигмальных науках,² то есть в областях научного знания, в которых сосуществует множество теорий и нет устойчивого согласия, а социология без сомнения является одной из них, господствует ситуация, лучше всего описываемая словами сатирика А. Кнышева: «каждый по своего прав, а по-моему не прав». «Нежелательным» автоматически становится любой результат, который не вписывается в рамки конкретной теории. Отсюда парадоксальность ситуации, когда институциональная организация самой науки становится потенциально опасным объектом исследования – именно из-за высокого риска получить «нежелательные» результаты. Так, ввиду «взрывоопасности» результатов, исследование научной среды П. Бурдьё [8] дождалось дня своей публикации около полутора десятков лет. Подобного рода исследования осмеливаются публиковать либо обладающие большим «весом» в научной среде ученые [см. также 18], либо – в форме мемуаров – уже после отхода от активной научной деятельности.

¹ Об отличиях между негативными санкциями и угрозой их применения см. в [16, Р. 183-185].

² Формальное определение парадигмы можно найти в [15, Р. 88 sq]

Риски получения результатов, «нежелательных» по мнению не непосредственных коллег, а общественного мнения за пределами академии, имеют несколько иную «механику» возникновения и развития. В социологическом исследовании они зависят от выбора конкретной теории – из того множества, что образует не-парадигмальную среду. Можно предположить, что выбор позитивистского подхода – особенно в его функционалистской интерпретации – минимизирует вероятность получения «нежелательных» результатов второго рода. Ведь данный подход строится на базе допущения о том, что все социальные процессы естественны, функциональны и упорядочены. Сторонники качественных методов зачастую вменяют тем исследователям, которые предпочитают методы количественного анализа, наиболее адаптированные к решению функциональных задач, прямое или косвенное содействие сохранению сложившегося в обществе статус кво [см., например, 1]. Выбор интеракционизма в качестве отправной точки в исследовании может обусловить целый ряд неожиданных и заранее непредсказуемых результатов, но они вряд ли окажутся «нежелательными», ибо касаются исключительно взаимодействий на микроуровне (точнее, результаты могут оказаться «нежелательными», но лишь в локальном и ограниченном масштабе, а не в масштабах общества в целом). Наконец, теории конфликта, начиная с марксизма и заканчивая феминистскими теориями и критической социологией М. Фуко и П. Бурдьё, именно ввиду своей критической ориентации и акцента на властных отношениях, имеют «запрограммированно» высокий риск получения «нежелательных» результатов и с точки зрения общественного мнения (мнения большинства), и с точки зрения представителей групп(ы), контролирующей власть в различных сферах повседневности.

Критика, то есть суждение об относительном или абсолютном несовершенстве сложившейся «конституции» социального действия и господствующей модели властных отношений подразумевает – явным или неявным образом – принятие за точку отсчета некой альтернативы. Выбор критической перспективы поэтому означает тесное переплетение нормативного и позитивного анализа (стоит ли говорить, насколько часто оно становится предметом осуждения?). Даже «неконструктивная» критика предполагает отсылку к определенной «шкале» оценок. Во-первых, эта «шкала» может иметь абсолютную точку отсчета, «ноль», когда критик ссылается на некие терминальные ценности, которые недостижимы в рамках сложившейся институциональной системы. Так, наиболее систематичная версия критики китайского «социализма» со стороны представителей китайской интеллектуальной диаспоры на Западе построена через отсылку к традиционным ценностям китайского общества, разрушенным революцией в конце 1940-х-1950-х годах [19]. Точка отсчета может располагаться «впереди» – в случае, когда «отсталость» сложившейся системы критикуется с позиций некоего идеала, либо сконструированного с помощью философии морали,³ либо предположительно воплощенного на практике в «модерном»

³ О роли философии морали в конструировании абсолютных критериев оценки см. [7, Р. 21 sq.].

(вариант – «пост-модерном») обществе. Критика в терминах «отсталости» принимает преимущественно «оптимистические» оттенки: указание на конкретный и потенциально достижимый идеал способствует тому, чтобы, выражаясь словами Дж. Кейнса, «действовать, а не сидеть, сложа руки» [3, с. 349]. Основной риск для исследователя при использовании данной модели критики связан с опасностью превращения в маргинализированного и отчужденного инноватора. «Продвинутые индивиды с равной вероятностью могут как превращаться в препятствие социальным изменениям, так и становиться их движущей силой» [25, Р. 37].

Не исключен и вариант, когда точка отсчета располагается «позади», то есть существующий порядок сравнивается не с «абсолютным добром», а с «абсолютным злом». Чем ближе, как постулируется, существующий порядок к «абсолютному злу», тем жестче критика и тем выше риски для исследователя. Его могут обвинить, например, в разжигании упаднических настроений – преступление, согласно общественному мнению, более серьезное, чем неоправданный оптимизм оторвавшегося от масс инноватора [попытка сопоставления последствий разжигания упаднических и оптимистических настроений в контексте пост-социалистических трансформаций предпринята в 14, Р. 78-79]. Логика предлагаемых изменений тогда принимает форму выбора наименьшего из двух зол, а критика по этой причине – преимущественно пессимистическую окраску. Примером критики через выбор наименьшего из двух или нескольких зол можно считать анализ российского общества через призму тюремного сообщества.⁴ Описание пост-советской социально-экономической системы в терминах «ни-ни», то есть «ни социализм, ни капитализм», является другой иллюстрацией выбора между двух зол. Согласно В. Андрееву, в пост-советский период механизмы, обеспечивавшие стабильность социалистического порядка перестали действовать, а механизмы, поддерживающие капиталистический порядок, еще не начали действовать, поэтому переходная система «хуже» и первого, и второго варианта [5, р. 71 sq.]. Стоит отметить, что критика на основе выбора наименьшего зла не исключает более или менее строго определения вектора предлагаемых изменений: в терминах теории игр, речь идет об использовании стратегии максимин, подразумевающей минимизацию возможного ущерба.

Во-вторых, точка отсчета для критики может быть относительной. Основное отличие критики в «относительных» терминах от критики в «абсолютных» терминах заключается в том, что направление изменений задать и даже предугадать нельзя. Исследователь сравнивает различные «конституции» социального действия и/или модели властных отношений, при этом не исключая возможности, что все они могут оказаться одинаково «плохими» и, следовательно, достойными уничижительной критики. Таковы, например, выводы из сравнительного анализа российской и западной моделей государства, предложенного

⁴ [22]. См. также дискуссию о допустимости использования модели тюремного сообщества для анализа российского общества в целом в [2; 4].

О. Харкординым [13]. Исследователь утверждает, что в обоих случаях речь идет лишь о фикции общих интересов, якобы воплощенных в институте государства. Критика «всего и вся» крайне рискована для исследователя лишь на первый взгляд. Она ставит под вопрос саму необходимость каких-либо сознательно проводимых изменений, если все существующее (и потенциально возможное) «неразумно». Поэтому подобная критика парадоксальным образом способствует сохранению сложившегося статус кво. Четкое определение вектора изменений здесь невозможно в принципе, что превращает самую яростную критику не более чем в состязание в риторике.

Выбор точки отсчета для критики во всех рассмотренных выше трех вариантах (абсолютное добро, абсолютное зло и акцент на относительности) влияет на выбор стратегий, с помощью которых исследователь стремится если не минимизировать, то хотя бы управлять своими рисками. Так, можно говорить о существовании «избирательного сродства» между выбором в качестве точки отсчета абсолютного добра и верой в «просвещенного деспота» как опоры в движении к этому абсолютному добру. Важно лишь найти правителя, пусть и монарха, который бы разделял идеалы исследователя. Именно так поступало большинство деятелей европейского Просвещения, которые, как правило имели личных покровителей в лице европейских монархов [17, Р. 68]. Один из наиболее свободомыслящих из Просветителей, Вольтер, в частности находил поддержку со стороны германского престола и российской императрицы Екатерины II.

Источником поддержки в критике, имеющей в качестве точки отсчета абсолютное зло, может стать демократическая модель властных отношений. Во-первых, потому что демократия снижает издержки выражения непопулярных мнений [20, Р. 85-6]. Во-вторых, выражаясь словами У. Черчилля, видимо тоже мыслившего категориями выбора наименьшего из ряда зол, «демократия является худшей формой правительства, исключая все те формы, которые были испробованы в различные периоды времени» [цит. по 21, Р. 3]. В-третьих, возможность на основе критики задать вектор изменений вооружает гражданское общество, потенциального актора этих реформ, своего рода «дорожной картой». Наконец, критика в относительных терминах может найти понимание в первую очередь в научном сообществе, точнее, в той его части, которая избирает для исследований сходные координаты.

В каждом из случаев укрепление позиций исследователя в его критике достигается за счет принятия той модели властных отношений, которая воплощена в «просвященном деспотизме», демократическом правительстве или научной «сети». Иными словами, право на получение «нежелательных» результатов приобретается ценой отказа от критики определенной модели властных отношений. Конечно, исследователь, чтобы избежать внутреннего стресса, может выбрать ту модель властных отношений, с которой он в наибольшей степени ощущает «избирательное сродство». Однако полностью снять внутреннее про-

тиворечие критического подхода таким способом вряд ли удастся. Альтернативой мог бы стать отказ от постоянной привязки к конкретной модели властных отношений, что возможно лишь при использовании «гетеродоксального» и эклектического подхода,⁵ когда для критики одних аспектов в качестве точки отсчета избираются терминальные ценности, других – модель выбора наименьшего из зол, третьих – относительные шкалы.

Наиболее значимые аргументы в пользу отказа от поиска единственного отправного пункта в критике таковы. Прежде всего, единая шкала оценок плохо согласуется со спецификой «сложных» обществ. Так, некоторые элементы «негативной конвергенции»,⁶ делающей обоснованной критику в относительных терминах, могут быть найдены в политической сфере как в США, так и в России, например, использование «черного PR» для дискредитации соперника, осуществление манипуляций с доступом к урнам для голосования, акцент в дебатах не на политических программах, а на вопросах процедуры и т.д. Однако во многих других сферах отличия между этими двумя странами по-прежнему значимы, что делает легитимным использование «абсолютных» шкал. Далее, сама модель человеческого поведения исключает использование единой шкалы для оценки всех аспектов. Например, А. Этциони утверждает, что как минимум два принципа лежат в основе повседневных решений и поступков, полезность (и, следовательно, модель рационального выбора) и моральные обязательства [21, Р. 111]. И если моральные обязательства предполагают использование абсолютной шкалы оценок, то модель рационального выбора не исключает применения ни абсолютных, ни относительных (производных от ординалистской теории полезности) шкал. Наконец, в рамках данной дискуссии ключевой аргумент в пользу комбинирования шкал заключается в том, что он позволяет исследователю критиковать, не будучи привязанным к какой-либо одной модели властных отношений. Иными словами, исследователь перестает быть заложником конкретной модели властных отношений, и в качестве объекта критики, и в качестве точки опоры, что придает особую силу его критике. «Интересы зависимого субъекта структурированы таким образом, что обоснования [существующего порядка], предлагаемые лицами, наделенными властью, в данном контексте [властных отношений] кажутся ему или ей убедительными. Такие обоснования могут быть поставлены под вопрос только с позиций вне данного контекста» [7, Р. 62].

Находя несколько «точек опоры», исследователь приобретает новые степени свободы в своем анализе. В конечном счете, именно критика в таком ключе наиболее убедительна и потому опасна с точки зрения тех, кто заинтересован в сохранении статус кво. Подобная критика дает исследователю немислимую при иных раскладах автономию, одновременно делая его особенно уязвимым. Именно здесь начинается «экстремальная» социология, или социология, «свя-

⁵ Предварительный эскиз программы эклектического подхода в экономических науках можно найти в работах [14, Р. 19].

⁶ Термин позаимствован в [5, р. 72-73].

занная с высоким риском». Ибо риск – это и есть продукт действительной, а не мнимой независимости исследователя в выборе объекта исследования, методологии анализа, теоретических рамок и точки отсчета. Выбор всех этих элементов дизайна исследования тогда может быть подчинен одному, но весьма достойному соображению – поиску истины.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воронков В.* Этот безумный, безумный, безумный количественный мир // *Неприкосновенный Запас.* 2004. № 3 (35).
2. *Ефимова Е.* Современная субкультура как «маргинальная» устная культура // *Неприкосновенный Запас.* 2004. № 4 (36).
3. *Кейнс Дж.* Общая теория занятости, процента и денег // Кейнс Дж. Избранные произведения. М., 1993.
4. *Олейник А.* Маргиналы или мажоры: как субкультура становится элементом культуры // *Неприкосновенный Запас.* 2004. № 4 (36).
5. *Andreff W.* La mutation des économies postsocialistes: Une analyse économique alternative. Paris, 2003.
6. *Babbie E., Benaquisto L.* Fundamentals of Social Research. Scarborough, 2002.
7. *Beetham D.* The Legitimation of Power. Atlantic Highlands. N.J., 1991.
8. *Bourdieu P.* Homo Academicus. Paris, 1984.
9. *Christie L.* America's Most Dangerous Jobs // CNN/Money. 2005, September 23 < retrieved on Oct. 29, 2005>. – http://money.cnn.com/2005/08/26/pf/jobs_jeopardy/
10. *Etzioni A.* Toward a New Socio-Economic Paradigm // *Socio-Economic Review.* 2003. № 1. P. 105-134.
11. *Humphreys L.* Tearoom Trade. Chicago, 1970.
12. *Jackson W.* Methods: Doing Social Research. Scarborough, 1999.
13. *Kharkhordin O.* What is the State? The Russian Concept of *gosudarstvo* in the European Context // *History and Theory.* 2001. № 40. P. 206-240.
14. *Kornai J.* Struggle and Hope: Essays on Stabilization and Reform in a Post-socialist Economy. Cheltenham, 1997.
15. *Kuhn T.* Scientific Paradigms // *Sociology of Science: Selected Readings.* Barnes B. (ed.). Harmondsworth, 1972. P. 80-104.
16. *Ledyaev V.* Power: A Conceptual Analysis. N.Y., 1997.
17. *Malia M.* Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge and London, 1999.
18. *Merton R.* The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations. Chicago and London, 1973.

19. *Nine Commentaries on the Chinese Communist Party* // The Epoch Times. 2004, December < retrieved on Oct. 30, 2005>. –<http://ninecommentaries.com/>
20. *North D.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge, 1990.
21. *Rose R., Mishler W.* What are the Alternatives to Democracy in Post-Communist Societies? // Studies in Public Policy. 1995. № 248.
22. *Oleinik A.* Organized Crime, Prison and Post-Soviet Societies. Burlington, VT, 2003.
23. *Tishkov V.* Chechnya: Life in a War-Torn Society. Berkley, CA, 2004.
24. *Wolf D.* The Rebels: A Brotherhood of Outlaw Bikers. Toronto, 1990.
25. *Yaney G.* The Systematization of Russian Government: Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711-1905. Urbana, 1973.